

ЧЕМПИОН

повесть

1

- Мороженое, мороженое, мороженое берём... - Пальцы застыли от холода, но Колька крепко держит большую картонную коробку, деловито идёт по вагонам электрички, ловко, не выпуская коробку, сдвигает двери...

- Пацан, сколько?

- Двадцать.

Правой держит коробку, прижав к груди, левой принимает деньги, сыпает в карман куртки и подаёт мороженое.

Пройдя последний вагон, Колька как раз продал всё, спрыгнул на перрон, бросил пустую картонку под поезд на шпалы, хлопнул по карману и в ответ звякнуло.

И тут увидел двух мальчишек, один из них нёс точно такую же коробку. Шли они к сто тридцать четвёртому поезду, он только что прибыл и будет стоять пятнадцать минут.

Парней этих Колька не знал.

- Э! Орлы! – развязным хриплым голосом окликнул он их.

Они остановились. Один из них был ростом и комплекцией примерно с Кольку (он и нёс коробку), второй чуть крупнее. Ну, и возраст, примерно, такой же – лет четырнадцать.

- Кто такие? – Колька спросил. Так, будто он имел право командовать тут.

Колька – коренаст, на голове небрежная, торчащая вихрами светлая шевелюра, глаза серые, иногда, как вот сейчас – холодные, колющие.. Тонкая джинсовая курточка, джинсы, изрядно поношенные кроссовки. Смотрит на парней зло, вызывающе, ждёт ответа.

- А тебе-то чего?

В голосе ответившего, того, что крупнее, чувствовалась неуверенность, хоть он и старался держаться независимо. А второй, вообще, явно боялся, уже оглядывался – куда бы драпануть. И Колька попёр буром.

- А ну живо отсюда! – он шагнул к ним вплотную. - Ща свистну – только коробка от вас и останется. – И он выхватил коробку с мороженым и поставил на асфальт. - Живо слиняли отсюда! – Колька сделал жест, будто хотел ударить старшего. Тот отпрыгнул в сторону и побежал, второй сперва даже присел от страха, а потом тоже сиганул с перрона.

- Лихо ты, - сказал Кольке стоявший неподалёку знакомый грузчик.

- А-а... - Колька пренебрежительно махнул рукой, подхватил отнятую коробку и побежал к сто тридцать четвёртому.

Он был рад – целая коробка! И всё, что заработает на ней – его, не надо делиться с Зубой.

Коробки эти берёт Колька и другие мальчишки (все друг друга знают и каждый в «своих» поездах работает) прямо из подъезжающей хладокомбинатовской машины, всё под контролем Зубы или кого-то из его «заместителей». Им же и заработанные деньги (большую часть) отдают...

Колька успел к сто тридцать четвёртому. Это была не электричка, проходящий поезд с купе и плацкартом. Идти по поезду не так удобно, как по электричке, но зато покупают лучше. Не пройдя и половины состава, Колька распродал и эту коробку, выпрыгнул на перрон, огляделся и торопливо пошёл к выходу с вокзала.

«Чего-то Зубы сегодня нет. Сразу бы с ним рассчитаться...» Только подумал...

- Коля-я-я! – навстречу Кольке шёл Борька Зубарев – Зуба, а с ним ещё двое. Все в потёртых джинсах, коротких куртках и футболках, с короткими стрижками. Сегодня их почему-то не было на выдаче у машины. Водитель один коробки выдавал.

- Как дела? – Зуба спросил, кривя губы в ухмылочку, с прищуром глядя.

- Нормально. Три коробки, - спокойно ответил Колька. «Не должны они знать про четвёртую коробку. Те пацаны – точноюком – левые какие-то были», - про себя подумал.

- Ну? – Зуба требовательно сказал. Дружки его тоже ухмылочки кривят, презрительно щурятся – во всём Борьке подражают.

Колька достал из кармана деньги и подал Зубе, как всегда – большую часть из того, что заработал. И это было справедливо.

- Завтра как? – опять Зуба спросил.

- Приду к московскому поезду, - ответил Колька.

- Ну, давай, - и Зуба даже хлопнул его по плечу.

2

Дверь Кольке открыла мать. От неё опять пахло спиртным. Мятый халат запахнут небрежно...

- А-а, сынок... - она попыталась приобнять его, но Колька увернулся, оттолкнув её руку.

- Что? Мать толкать?.. А!.. – она махнула рукой и ушла в комнату, плотно закрыв за собой дверь. Но Колька успел заметить лежавшего на диване мужика.

На столе в кухне громоздились грязные тарелки, стаканы, бутылки. Табачная вонь – по всей квартире... Всё это уже привычно – и всё равно противно.

Колька отрезал от буханки горбушку. Сжевал хлеб, запивая кипячёной водой прямо из чайника.

Из материной комнаты слышались невнятные голоса. Колька тихонько вышел в прихожую, натянул кроссовки, куртку, бесшумно открыл и закрыл за собой входную дверь. Щёлкнул замок. Колька торопливо сбежал по лестнице, вышел из подъезда во двор с кривым детским грибком, убогой песочницей и ломаными качелями на островке посреди асфальта и машин.

Мимо одинаковых серых кирпично-стеклянных домов, мимо машин, мусорных баков, и снова машин, и стаи бездомных собак, и собак на поводках равнодушных хозяев, шёл мальчишка... Ко всему равнодушный. Так сам думал. Хотел думать...

Колька шёл к бабушке Зине.

Она – мать отца. А отец уже четвёртый год в тюрьме. Сначала мать говорила, что отец уехал в командировку. Колька был маленьким и верил. А сейчас знает точно – отец в тюрьме. Вернее, в лагере. Ещё Колька знает, что когда отец вернётся, он прийдёт мать и всех её дружков. Поэтому, хотя он и ждёт отца, но и боится его возвращения.

А бабушка Зина, как про отца Колькиного, сына своего вспомнит – плачет. Обычно молчит, но однажды прорвалось у неё:

- Из-за этой стервы всё...

Колька съёжился, когда услышал такое о матери.

Никакой он, конечно, не равнодушный: ему жалко мать, жалко отца, жалко бабушку. И в то же время он злится на них всех... Потому что... Из-за них всё... Всё из-за них... Лучше бы и не рожали его...

Бабушка живёт в старом пятиэтажном доме – «хрущёвке». Двор дома оторочен мягкой кудрявой зеленью кустов, но тоже весь уставлен машинами...

Бабушка уже собиралась спать, когда Колька пришёл.

- Внучек! Проходи, милый, - обрадовалась она.

Колька подал ей деньги, оставив себе совсем немного. Бабушка поохала, но откуда деньги не спросила, знала, что он не скажет. ("Отстань, баб, не ворую", - ответил ей Колька, когда впервые протянул деньги). Она положила деньги в сервант, в старинную железную коробочку из-под чая. Собрала на стол поесть.

- Как в школе-то дела? – поинтересовалась.

- Нормально.

- Что мать? – с неприязнью в голосе спросила.

- Пьёт, - небрежно ответил Колька.

Бабушка завздыхала слезливо. Колька отвернулся, включил телевизор – трескучий, чёрно-белый, из каких-то совсем давних времён, уплетая за обе щеки рожки с колбасой, стал смотреть фильм про "братву".

Как у них здорово всё получается – тоже сорванцы были, а потом разбогатели. Особенно этот, главный у них – крутой, всех на разборках мочит. А "обувают" они только козлов всяких, которым – так и надо. Классное кино!

И вдруг, главный герой фильма показался ему похожим на Зубу. Глазами пустыми, ухмылкой, притворной улыбкой...

Потом он лёг спать на диване. Накрылся одеялом с головой по совсем ещё детской своей привычке...

Первое, что он помнил о себе: он с головой под одеялом, а мама спрашивает:

- А кто это у нас в норке?

- Мышонок!

- А кто у мышонка мама?

- Мышка!

- Мышонок пустит маму? – и мама не ложится, просто садится на пол рядом с его кроваткой, и обнимает его под одеялом, и он приживается к ней.

- А медведей принимаете?! – кричал папа и обнимал их обоих.

Ему уже четырнадцать лет – он никого не обнимает, его никто не обнимает...

Колька стал подсчитывать, сколько накопилось денег в чайной коробке (бабушке сказал, что копит на мобильник) – приличная сумма получалась.

Скоро он поедет к отцу. Взял бы и бабушку, да она сама как-то призналась: "Не могу туда ехать. Боюсь – сердце не выдержит".

Сейчас, Колька знает, бабушка молится перед иконой в своей комнатке. Она верующая. Поэтому и он, Колька, крещён ещё во младенчестве. И крестик, простой алюминиевый на прочной нитке – всегда при нём... А вот дед его, бабушкин муж, «не верил ни в Бога, ни в чёрта», как бабушка Зина говорила. «Но честный был и совестливый – не чета многим нынешним, что в церкви-то со свечкой стоят, а совести не имеют. Настоящий дед твой коммунист был. Жалко рано помер-то...», - говорила бабушка про деда Ивана, который ещё даже и воевал, но не с немцами, а с японцами... Колька видел деда только на фотографиях.

И подумалось вдруг, что будь дед Иван жив, то его отец, наверное, не попал бы ни в какой лагерь...

И опять Колька думал о том, как поедет к нему. О многом ему нужно поговорить с отцом, по-мужски...

С этими мыслями он и уснул.

На следующее утро в девять часов Колька был на вокзале – работа есть работа. В школу он уже неделю не ходит. И ещё не решил – пойдёт ли.

- Иди сюда, - грубо окликнул один из дружков Зубы, как из-под земли вырос из-за угла.

Колька даже не знает, как зовут его, но подчиняется, подходит, предчувствуя недоброе.

- Вчера продал лишнюю коробку? – сразу спросил парень.

- Да, - и не пытаюсь скрывать (всё равно знает, раз спрашивает), ответил Колька.

- Деньги не отдал? – угрожающе ухмыляясь, продолжал уже ненужный допрос сподручный Зубы.

- Да, - сохраняя спокойствие и тоже кривя губы в презрительной усмешке, отвечает Колька.

Удар откинул его к стене здания вокзала. Колька стукнулся затылком, еле поднялся.

- Деньги с собой?

- Нет.

- Принесёшь деньги за ту коробку, все, сегодня. И больше ты здесь не работаешь.

Колька отёр кровь с разбитой губы, сплюнул под ноги и вдруг сказал:

- А пошёл ты! - И дал дёру. Никто его и не догонял, конечно.

... Так он лишился работы на вокзале.

День только начался. Что делать? Не в школу же идти. Нечего там делать.

И Колька пошёл к знакомым пацанам, обитавшим в подвале дома неподалёку от дома бабушки Зины.

Замок на двери в подвал, как всегда, сорван. Вся "братва" на месте. В дальнем углу подвала, у труб отопления – пустые ящики, старый диван, пластиковые бутылки из-под пива повсюду. Четверо валялись прямо на грязном подвальном полу, пятый на диване. Рядом пакет. Колька потянул воздух и понял – клей нюхали. Серёга, тот что на диване лежал, приподнял голову, глянул на Кольку ошалелыми глазами, икнул и проговорил:

- Нюхни, Колян.

- Не хочу.

Серёга, снова икнув, уронил голову на загаженный диван и застонал. Остальные четверо не подавали признаков жизни вообще...

И хотя Колька уже видел такое, и даже однажды сам нюхал (не понравилось) – сейчас ему стало страшно, он поспешил из вонючего подвала, а у выхода чуть не попался. Толстый дядька ухватил его за ворот джинсовки:

- Опять замок сорвали, пойдёшь в милицию, гадёныш...

Колька извернулся, толкнул дядьку головой в брюхо, тот от неожиданности сел и выпустил ворот. Колька побежал. Никто и не догонял его.

К бабушке он не пошёл, а двинул домой, надеясь, что мать ушла куда-нибудь. Купил в ларьке пачку сигарет.

С сигаретами повезло, не всегда ему продавали, бывало, отвечали, что мал ещё... Зажигалки не было, и денег на неё уже не хватало, спички покупать постеснялся («не круто») – решил, что дома найдёт.

Открыл дверь своим ключом. А мать уже встречает его:

- Почему в школу не ходишь? Учителка приходила...

Колька не стал дожидаться подзатыльника и выскользнул обратно за дверь, поскакал вниз по лестнице.

- Куда? – крикнула вдогонку мать.

- В школу!

Он брёл по улице, сунув руки в карманы, лениво приволакивая ноги, не сторонясь, не уступая дорогу, готовый огрызнуться и дать сдачи любому. И только так и нужно держаться, чтобы тебя уважали – он твёрдо знал это.

Хотелось курить, зажигалки не было.

- Огонька не найдётся? – спросил у очкастого мужика с кожаным портфелем в руке, стоявшего на автобусной остановке.

- Маловат ещё курить-то, - ответил тот незлобиво.

- Да пошёл ты!.. – огрызнулся Колька и вразвалочку двинул дальше.

Мужчина встрепенулся, но ничего не сказал, только воинственно поправил очки, глядя мальчишке вслед.

Колька прикурил от сигареты таксиста, ожидавшего, видимо, пассажиров на краю дороги, тут же и машина его, «девятка», стояла.

Таксист, молодой и улыбчивый, вдруг потрепал его по голове, когда Колька тянул в себя первый дымок:

- Оголец...

Колька недовольно тряхнул головой, буркнул: "Спасибо", - и пошёл дальше, сам не зная куда...

Он частенько проходил мимо этого здания с высокими зарешёченными окнами. Изнутри окна были закрашены. Но сейчас, случайно глянув на окно, Колька увидел, что в углу стекла у рамы краска облезла, и полюбопытствовал – что же там за высокими окнами...

И прилип к стеклу замороженно.

Там тренировались боксёры – мальчишки его, примерно, возраста.

В трусах и в майках, в высоких зашнурованных (каких-то, видимо, специальных) ботинках, с упругими круглыми перчатками на руках, они легко прыгали на носочках в боевых стойках. Один бил в голову,

другой уворачивался и тоже бил... Двое молотили по большущим кожаным мешкам... Некоторые прыгали через скакалки...

А с одним парнишкой тренер занимался отдельно.

Тренер – невысокий крепкий мужчина в синем спортивном костюме, на руках у него не перчатки, а какие-то подушки. Парень бил по этим подушкам, которые подставлял ему тренер, и уклонялся, когда тренер тыкал "подушкой" ему в голову или в туловище...

Вдруг тренер обернулся к окну, и Кольке показалось, что подмигнул и даже махнул рукой с этой странной "подушкой".

Тренер не мог разглядеть его, точно... Но ведь подмигнул...

"Зайти, что ли?..", - подумал. Через высокую металлическую калитку вошёл во двор здания. Потоптался ещё у входа. Решился всё же зайти.

Сначала его остановил вахтёр – строгий дедушка, сидевший за перегородкой у входа.

- Ты к кому?

- На бокс хочу записаться, - ответил Колька, стараясь держаться непринуждённо, но даже сам услышал, как у него почему-то дрогнул голос. К тому же, он был уверен, что ещё минуту назад, он и не думал записываться никуда. Ну, просто, интересно посмотреть...

- Подожди. Тренировка уже идёт, - сказал вахтёр и взглянул на большие круглые часы на стене. – Через полчаса кончится. Игорь Степанович с тобой поговорит.

Колька кивнул и стал рассматривать красивые спортивные кубки, грамоты в рамочках и фотографии на полках за стеклом вдоль стены. «Значит, этого, который вроде бы подмигнул, Игорь Степанович зовут», - подумал.

На одной из фотографий он узнал тренера. Только на фотографии он совсем молодой, в трусах, майке и на руках боксёрские перчатки.

Он стоит в боевой стойке, подняв кулаки к подбородку. И подпись: "Мастер спорта Игорь Быстров".

Хлопнула дверь и оттуда, где шла тренировка, откуда доносились обрывки команд, звуки ударов, оттуда, из недоступного пока, почти волшебного мира, выскочил мальчишка в боксёрской форме, но без перчаток, только какие-то странные, «не больничные» бинты на его запястьях и ладонях намотаны. На Кольку глянул будто бы свысока, хотя сам ростика небольшого, обратился к вахтёру:

- Дядя Ваня, водички дай, пожалуйста.

- Нельзя. – Строго ответил дедок. – Игорь Степаныч запрещает вам. Ты в туалет отпросился, ну и дуй!

- Да я чуть-чуть, горло прополощу только, - заканючил парень.

- Ну, давай быстро, - смягчился старик. – Ишь, тебе под глаз-то сунули, будешь с фингалом ходить.

- Ничего, я тоже сунул, - ответил мальчишка, выпив полстакана кипячёной воды. – И в зал пошёл, имитируя при этом удары, краем глаза на Кольку поглядывая.

И Колька, не то чтобы испугался, но подумал так, примерно: конечно, Быстров не звал его. Да и нужен ли он, Колька, этому Быстрову? Там вон и так полный зал. А если возьмёт его Быстров – побьют Кольку на первой же тренировке, он же ещё ничего не умеет, а там вон уже какие...

Он и сам не заметил, что уже не просто поглядеть хотел, а совершенно точно – хотел заниматься у этого Мастера спорта Игоря Быстрова, учиться боксу, быть своим в том, пока загадочном и закрытом для него мире. Ну, и пусть – побьют сначала! Не так-то это и просто его, Кольку Журавлёва, побить. Ещё посмотрим кто кого... И он уже представлял, что драться ему предстоит именно с тем парнем, что выходил из зала пить и так «борзо» смотрел на него...

- Хочешь боксом заниматься? – на плечо Кольке легла тяжёлая ладонь. Он обернулся и увидел Быстрова, опустил глаза и буркнул:

- Угу. Хочу.

В Быстрове Колька почувствовал силу. Но не пугающую, как у Зубы. И хоть он ещё совсем не знал этого человека, но знал уже, что Быстров, конечно, сильнее Зубы, хотя тот вроде бы тоже какой-то чемпион по каратэ.

Теперь Колька боялся лишь одного, что Быстров по какой-то причине не возьмёт его тренироваться.

Тренер взглянул на часы и спросил:

- Ты во вторую смену учишься?

- Ага, - не моргнув, соврал Колька.

- Значит, с утра будешь заниматься?

Колька замешкался с ответом, и тренер усмехнулся:

- Что-то ты, брат, темнишь.

- У нас на следующей неделе смена в школе меняется, - нашёлся Колька.

- Ясно. Тогда с семнадцати часов будешь тренироваться. Приходи в понедельник.

Под мышкой Быстров держал те "подушки". Они были толстые, плоские, обтянутые коричневой кожей, формой походили на след какого-то большого зверя.

- А это что? – набрался смелости Колька.

- Лапы, - ответил тренер и улыбнулся, – зовут-то тебя как?

- Колька.

- А меня Игорь Степанович.

- А я знаю!

- Хорошо, что знаешь, - Быстров усмехнулся. - Ну, будь здоров, Колька, жду в понедельник.

И уже отходя от мальчишки, обернулся:

- Да, справку от врача возьми обязательно. От участкового или хотя бы от школьного, что тебе можно заниматься боксом.

- Ладно, - ответил Колька.

Из раздевалки выходили переодевшиеся боксёры, и все они были чем-то похожи на своего тренера. И Колька, окрылённый тем, что Быстров взял его, позвал на тренировку, решил, что обязательно станет настоящим боксёром, может, даже Мастером спорта и смотрел на этих парней-боксёров смело и даже вызывающе...

4

В понедельник на тренировку! Легко сказать – была-то ещё пятница. А уже хотелось боксёром быть.

Колька поболтался ещё по городу, и когда уроки в школе закончились, пошёл к своему приятелю-однокласснику Олегу Окуневу.

Тот как раз только из школы пришёл. Родителей дома не было. Окунев не очень обрадовался приходу Кольки, но впустил в квартиру.

- Чего в школу-то не ходишь? – спросил Олежка, жуя булку и запивая молоком прямо из пакета.

- А! – Колька махнул рукой. – Я на бокс хожу.

- Ври давай, - отмахнулся Окунев.

- Чего? Смотри! – Колька прижал кулаки к подбородку и запрыгал с ноги на ногу, замахал руками. – Я правой сбоку – наповал бью!

- Да ладно, хватит тебе. Верю, - сказал Олег, но в голосе чувствовалось недоверие. – Хочешь молока?

- Давай!

Потом они слушали музыку, любимый их реп, смотрели телек, валяясь прямо на ковре. Олег показал журнал про культуристов с фотографиями накачанных красавцев, и сказал, что будет заниматься культуризмом, что отец пообещал купить ему разборные гантели.

- Боксёр любого культуриста отметелит, - гордо заявил Колька.

- Тебе бы только отметелить кого. Это от культурной ограниченности, - ввернул Окунев умную фразу.

- Сам-то понял, чего сказал? – Колька презрительно скривил рот.

- Чего-чего... Родичи скоро придут, вот чего, - ответил Олег. И Колька стал собираться уходить.

- В школу-то придёшь завтра? – Окунев спросил.

- Наверное, приду, - не очень уверенно ответил Колька.

А уже потом и действительно решил сходить в школу – к врачу зайти, взять справку, да и время до понедельника, до первой тренировки, глядишь, быстрее пролетит.

Хотелось курить, но Колька решил, что больше не будет. А то – что же это за спортсмен? Не стал курить. Дал себе команду: «Не хочу курить!» И хотя курить всё равно хотелось, безжалостно выбросил початую пачку сигарет в урну.

Мать была дома. Трезвая и злая.

- Где шляешься-то? Из школы звонили опять... Пороть некому...

Колька не слушал её ругань, а сказал:

- Мам, а давай генеральную уборку сделаем, вымоем всё.

Он помнил, как раньше по выходным мать устраивала "генеральную уборку", а он ей помогал, и отец помогал, было интересно и весело.

Мать вдруг села на диван и заревела. Колька стоял и не знал, что делать. Было жалко её и обидно, что диван без покрывала и с прожженной уютюгом спинкой. И мать в нечистом халате на этом диване...

До позднего вечера они скребли полы, протирали мебель, мыли посуду.

Пустые бутылки мать собрала в старую коробку из-под телевизора.

- Сдам.

- Нет, мама, давай я выкину...

И мать положила руку ему на голову, прижала к груди лицо его.

Колька, смутился, отклонился, повторил:

- Выкину бутылки.

-Выкидывай, конечно.

Колька уложил бутылки в два больших непрозрачных пакета, старался нести их так, чтобы не звенели... Аккуратно, без шума положил их в мусорный контейнер.

Два бомжа, будто ждали, тут же откуда-то появились. И когда Колька быстро шёл к подъезду, за спиной слышалось позвякивание бутылок.

- Ты давай, Колька, завтра в школу иди. А я с понедельника на работу выхожу, устроилась... - сказала мать, когда он, сняв в прихожей кроссовки, по непривычно уже чистому полу прошёл в комнату. - Да, - вспомнила она, - заходил парень какой-то, нагловатый такой, чернявый, лет восемнадцати, тебя спрашивал.

По спине Кольки холодок пробежал. "Зуба это. Точно. Узнал, где живу. Отдать деньги?.. Подожду пока, может, выкручусь..."

Потом они смотрели старые фотографии. Их было немного, они хранились в потрепанном альбоме без верхнего листа: мама со своими, уже умершими, родителями у деревенского дома; она же – учащаяся техникума; отец в солдатской форме; мама и отец с бокалами в руках, улыбаясь, смотрят друг на друга (фата с искусственными цветочками поверху до сих пор хранится в шкафу); а вот и Колька – крохотный и безволосый на руках отца... И не верится Кольке, что был он когда-то такой... А эта фотография... Он с матерью в деревне. Ему лет восемь, вихор торчит из-под белой матерчатой кепчонки, улыбка от уха до уха.

У мамы на голове белая косынка, она тоже улыбается. У обоих в руках корзинки.

Колька вспомнил: ездили все вместе – отец, мама, он – в деревню. В тот дом, в котором выросла и жила до того как уехать в город мама. Дом был пустой, большой, интересный. Колька лазал на чердак, на поветь, в погреб – везде было пусто и таинственно. Посреди единственной большой комнаты стояла печка. Её долго не могли растопить. Отец потом залезал на крышу, чистил трубу – только тогда растопили... А на следующее утро пошли в лес, за грибами. Отец и сфотографировал их с мамой. Какое это было счастье – первый гриб! А был потом и второй, и третий. По полной корзине набрали тогда. Не часто, но ездили в деревню и позже, но те поездки Колька почему-то забыл. Когда отца забрали, через год, кажется, мать продала тот дом...

Мать вдруг нахмурилась, захлопнула альбом, убрала.

- Давай спать, - сказала.

Колька пошёл спать. Умываясь в ванной, он смотрел на себя в зеркало, щупал бицепсы. Парень он, вообще-то, не хилый, но у тех парней, что в зале занимались, такие мускулы... Курить хотелось. И он яростно чистил зубы (остатки пасты выдавил из старого измятого тюбика), будто хотел разом вычистить из себя табачную гадость...

В комнате до изнеможения наотжимался от пола, а потом долго не мог уснуть. То представлял, какой он будет смешной и слабый на первой тренировке, а то видел себя уже великим чемпионом, победно вскидывал руки, стоя над поверженным противником. Ещё переживал – получится ли у него так ловко, легко и быстро прыгать через скакалку (кажется, с детского сада этим не занимался!).

Матери про бокс он пока не сказал.

«И что за бинты на руках у того парня?.. Наверное, и мне надо такие...» - уже во сне думал. «И перчатки надо... И ботинки эти...» И отцу говорил: «Папа, я на бокс записался!»

5

В школе его, кажется, и не ждали.

- Журавлёв? - удивилась Зоя Михайловна, классный руководитель и преподаватель русского языка и литературы, когда Колька, с опозданием вошёл в класс.

- Ну, теперь будет цирк, - громко и довольно сказал Козлов, сидевший, небрежно развалясь, за последней партой, у окна.

- Чё я тебе, клоун, что ли? – ответил грубо Колька.

Они говорили так, будто никого кроме них и не было в классе.

А Зоя Михайловна менялась на глазах – краснела, за это свойство и прозвище у неё "Свёкла".

- Жура-а-авлёв!.. Вон! Козлов! Вон!

Кольке того и надо. Развернулся и вышел из класса. Что-то ещё кричит Свёкла за дверью, на Козлова, видать, орёт, но Колька не слушает.

Он пошёл в медицинский кабинет на первом этаже.

Безымянная бабулька гардеробщица, сидевшая на стуле в раздевалке, очнулась, когда Колька проходил мимо:

- Чего шляешься-то?

Колька не ответил.

- И ходят и бродят. И чего ходят-бродят... - бормотала недовольно вахтёрша.

Колька дёрнул дверь медкабинета. А она заперта. Суббота ведь сегодня... Не взять справку. Чего делать-то? "Ну, как есть, так и скажу тренеру, что врача не было, может, пустит на одну-то тренировку без

справки... Да ведь ещё можно в понедельник с утра взять эту справку!.."

Колька увидел спускавшуюся по лестнице директоршу школы, напоминавшую своим холодным строгим лицом, строгим костюмом, строгими движениями Снежную Королеву из мультфильма, и, не дожидаясь лишних для него вопросов, поспешил на улицу. Дверь с тугой пружиной вырвалась из руки и громко хлопнула за спиной.

На спортивной площадке почему-то бегала малышня, наверное, первоклашки, в догонялки играли, видимо, первого урока у них не было.

И Колька, глядя на них, вспомнил, как впервые в жизни поднимался вот по этим ступеням к высокой двери с ранцем за спиной, с букетом цветов в руках, как сказал тогда бабушке и отцу (мамы не было почему-то): "Я лучше всех буду учиться!" И как старался он на первом в своей жизни уроке, тянул руку, когда первая учительница, замечательная Наталья Сергеевна, спросила: «Кто уже умеет читать?» Будто и не с ним всё это было.

И ему нестерпимо захотелось поехать к отцу прямо сейчас, увидеть его... Но это невозможно. И Колька просто сел в первый же подъехавший автобус на ближайшей остановке и даже не стал прятаться от кондуктора, купил билет.

Вылез из автобуса у реки. Здесь они и с отцом выходили...

По берегу растут высокие толстые тополя, под ними всегда тень, и звуки города сюда почти не доносятся, у самой воды ивы – зелёные подушки уже с жёлтыми подпалинами. Это место, конечно, пристанище выпивающих компаний, но днём не страшно. И рыбаки у каждой прогалины в ивовых зарослях.

Тянет искупаться в такой солнечный денёк, но уже конец сентября... Колька присел на огромный пень и наблюдал, как меняет червя на крючке и закидывает леску пожилой мужчина. Поплавок

застыл на воде, не клюёт. Рыбак закуривает, оглядывается недовольно на Кольку, но молчит.

А наверху, на крутизне берега – церковь и от неё сбегает сюда, к этому рыболовному пятачку тропка. И Колька увидел, как сбегает по тропке человек, бородатый мужчина, в чёрной длиннополой одежде и с блестящим крестом на груди.

А рыбак встаёт, улыбается, сложил ладони лодочкой, склонил голову. Священник вкладывает в его ладони руку, а тот целует её, а священник быстро крестит его голову и что-то, кажется, говорит негромко. И всё это так необычно для Кольки – будто кино смотрит.

Его хотя и крестили, когда-то, но в церковь родители, кажется, не ходили, и он-то раза два только с бабушкой захаживал, но долго не мог там быть – непонятное заунывное пение, и всё время на одном месте стой... Скучно...

- Ну, как? Клюёт? – нетерпеливо спрашивает священник.

- Нет, батюшка.

- Ну-ка, испробую.

Рыбак из-под куста достал вторую удочку, священник размотал леску, стал червя наживлять и, видно, почувствовал взгляд со стороны, на Кольку глаза поднял. Улыбнулся:

- Хочешь попробовать?

- Не-а...

- А чего, давай...

И Кольке так захотелось вдруг закинуть удочку, когда-то ведь вот здесь, на этом месте, с отцом рыбачили. Он подошёл, и священник протянул ему удилище.

- На. Смотри, за куст не зацепи.

И рыбак сказал поощрительно (куда-то исчезла его недовольная угрюмость):

- Ну-ка, давай...

Колька забросил. Поплавок нырнул и выскочил из воды, застыл.

И минуты три все молчали, напряжённо глядели на поплавки.

- Да, не клюёт, – сказал священник. И спросил вдруг у Кольки: - А ты чего не в школе?

Он, священник этот, хоть и бородатый, но видно, что молодой, глаза у него весёлые, а волосы рыжеватые и пахнет от него чем-то вкусным.

И Колька ответил весело:

- Выгнали!

- О! Меня тоже, бывало, выгоняли. Да, брат ты мой...

И вот тут Кольке подумалось, что сейчас нравоучение начнётся: что такое хорошо и что такое плохо...

- Пошёл я домой, - сказал он грубовато и отдал удилище.

- Ну, давай. Как зовут тебя? – священник спросил.

- Колька.

- Давай, Колька, счастливо тебе. Если опять выгонят из школы, приходи сюда, мы тут каждый день рыбачим. А если что, так я в храме, - он кивнул на церковь, - отец Илья меня зовут.

- Ладно. - И Колька полез в крутизну берега.

Вообще-то, он никуда не торопился и порыбачить и даже поболтать с этим весёлым попом он был не прочь, но, с другой стороны, жизнь уже научила – не доверять, вот так сразу, никому. С чего бы он, поп этот, такой добрый? А ведь он добрый... Колька обернулся и увидел ещё раз священника, тот говорил что-то рыболову, и видно было, что он улыбается и рыжеватая борода его на солнце – золотая, и крест блестит.

Пешком шёл домой. А дома весь остаток дня смотрел телевизор. Матери не было, она пришла только поздно вечером. Одна, трезвая. Колька сделал вид, что уже спит. И мать долго тихонько возилась в кухне, в комнате...

А Колька думал – о себе, о боксе, ещё о всяком...

...Был у него друг – Васька Овсянников. Он-то и притащил год назад Кольку на вокзал, научил "работать". Настоящий друган был и шпана уже отпетая. Теперь в специнтернате "срок тянет". А больше у Кольки по настоящему-то и нет друзей. Окунев – это так, поболтать. Другие одноклассники – ну, тоже так... Не дружил Колька особо ни с кем. Парни из подвала? Сначала интересно было, а потом как-то надоело: ну, в карты дуются, клей нюхают, подворовывают, дома неделями не бывают... Нет, не хотелось Кольке так жить.

А был ли Васька-то другом?.. Жили они в соседних дворах, учились в одном классе. А подружились, когда отца забрали уже. Их вместе выгоняли с уроков, они вместе болтались на улице. Васька уже курил, пиво пил, матерился как взрослый мужик, всё знал про девок, рассказывал похабные, смешные анекдоты. С ним было интересно. По-началу – страшно. От Васьки всегда можно было чего-то ожидать – то возьмёт да и бросит камень в любое окно, и тогда улепётывай во все лопатки, слыша звон стекла за спиной; то наберёт номер телефона Свёклы (знал откуда-то) и, зажав нос, хрипя неестественно, такое ей загнёт... Васька и с парнями из подвала познакомил. В общем, не соскучишься с ним... Но теперь Васьки рядом нет. И, Колька только сейчас это понял: нет – и не жалко, что нет. На самом деле никогда ему эти Васькины "подвиги" и не нравились, просто, так уж получилось, что Васька стал его другом. Да разве это дружба?.. А в классе его уже все и воспринимали, как друга Васьки Овсянникова, такого же отпетого хулигана. И во дворе. И Колька жил один, без друзей. А дружбы хотелось. И верилось, что на секции бокса – всё хорошо будет, и друзья появятся. Настоящие.

«Меня, Колька, зовут», - говорит он тому парню, похожему сразу на всех боксёров, которых видел вчера, и протягивает руку, и тот тоже

руку протягивает. И рукопожатие их крепкое... Они же боксёры, боксёры... Колька, наконец-то, уснул.

6

Воскресенье тянулось бесконечно долго. Хотел Колька пойти погулять, но, выглянув в окно, тут же присел. Во дворе на скамейке сидел парень из Зубиной "команды", глядел на дверь подъезда. Вскоре он, правда, ушёл. Конечно, может, он просто так тут сидел, случайно, живут-то все в этом же районе...

Но гулять Кольке уже расхотелось.

И он опять смотрел телевизор. Устроил для себя тренировку. Попрыгал перед зеркалом с ноги на ногу, помахал руками. Но одному тренироваться не интересно.

Мать уходила куда-то, возвращалась, кажется, действительно, собиралась завтра на работу.

- Чего гулять не идёшь? – спросила.

- Не охота.

... В понедельник он ещё высидел три урока и сорвался из школы. Забыл и к школьному врачу за справкой сходить.

Наскоро пообедав, сунул в сумку спортивные штаны, футболку, кеды и уже за два часа до тренировки топтался у спортзала.

Стали приходить ребята на тренировку. Разговаривали между собой, посматривали на Кольку. Двое устроили возню, и вахтёр дядя Ваня строго прикрикнул на них.

Вот и тренер, Быстров. Он приехал на спортивном велосипеде и завёл его в здание, держа за сиденье. Поздоровался с вахтёром, с парнями, подал им ключ от раздевалки. Увидел Кольку.

- А, пришёл. Форму взял?

- Да.

- Ну, иди в раздевалку и в зал с ребятами.

И пошёл к двери, на которой висела табличка: "Тренерская", ведя велосипед одной рукой. В синем спортивном костюме, спина прямая и, как сейчас заметил Колька, необыкновенно широкая в плечах. Не хуже, чем и у культуриста какого-нибудь...

Колька вошёл в раздевалку.

- Новенький? – спросил у него крепкий белобрысый мальчишка, натягивая красную, облегающую мускулистое тело майку.

- Ага.

- Не бойсь. Главное – первую тренировку выдержать. – И протянул руку: - Костя.

- Колька.

Крепко пожали руки.

Сначала была разминка: бегали, прыгали на одной ноге, делали разные упражнения: наклоны к ногам, рывки руками, повороты туловища и ещё много-много всяких... Колька так устал, что не представлял, что он ещё сможет что-то делать на этой тренировке.

По команде тренера ребята разбились на пары и стали наносить друг другу несильные удары и уклоняться от них, и передвигались при этом так, будто у них в ногах пружинки...

- Иди-ка сюда, - позвал Кольку Быстров.

Он показал Кольке стойку – левая нога впереди, правая сзади, чуть согнута; руки его согнул и поджал к подбородку, будто Колька не мог сам этого сделать, будто он резиновый... И Колька чуть опустил правую руку – приготовил для удара.

- Руку на место! – строго прикрикнул Быстров. Натянул "лапы": - Бей!

Колька со всей силы ударил в правую "лапу", прямо в середину её, отмеченную белым кружком.

- Руку на место!

Колька отдернул руку, но не поднял на указанную тренером высоту. И тут же получил чувствительный тычок в нос.

- Посиди, - сказал Быстров, - погляди на парней.

И Колька с радостью на скамейку сел – устал очень. Но ведь не сам попросил отдыха, а тренер усадил... "Конечно, легко по носу бить, если я в первый раз пришёл...", - подумал в обиде на Быстрова. Но обида скоро прошла.

Он заворожено смотрел, как слаженно двигались мальчишки; как Быстров поправлял то одному, то другому руки, стойку; как слушались ребята его. А он ходил между ними, смотрел, говорил что-то негромко. Потом вышел из зала. Мальчишки продолжали выполнять задание, но не все, кое-кто, как только тренер вышел, забаловали, забегали, один на скамейку присел... Быстров вошёл неожиданно. Тех, что бегали, сразу отжиматься отправил, а того что присел, спросил:

- Устал, Саша? Так отдохни недельку, не приходи на тренировки.

- Да я, Игорь Степанович, так... я не устал.

- А-а, "так", говоришь. Ну, вставай со мной.

И стал работать на лапах с этим парнем.

Кольке надоело сидеть. Он подошёл к большому настенному зеркалу и стал прыгать перед ним, как остальные, "в челноке".

- Хорошо, - услышал голос Быстрова. – Хорошо. Смотри-ка, почти правильно. Научись ещё слушать, что тренер говорит и боксёр из тебя получится... Может быть... Справку-то принёс?

- Забыл.

- В следующий раз без справки не пущу.

- Я принесу.

Тренировка закончилась.

В раздевалке Костя спросил:

- Ну, как?

- Нормально, - еле разжимая спёкшиеся губы, ответил Колька. – А что это за бинты у вас? – спросил. Костя как раз снял бинты с рук, сматывал.

- Эластичный бинт, чтобы кисть при ударе не повредить, - пояснил Костя. – В спорттоварах продаются, и в аптеках бывают...

Колька не стал спрашивать – дорого ли. Деньги есть, у бабушки, в коробке из-под чая хранятся. Он купит и эти бинты, и такую же майку, как у Кости... Да, деньги он копит на поездку к отцу. Он придумает, как заработать, он вернёт эти деньги. Но и на бокс ходить надо, и быть не хуже других. Чтобы, приехав к отцу, сказать: «Папа, я теперь боксом занимаюсь».

7

Колька потихоньку втягивался в тренировки, уже не так уставал и кое-чему научился. Курить не хотелось. В школу каждый день ходил, потому что Быстров не часто, но зато всегда неожиданно просил принести дневник и без дневника в назначенный день на тренировку не пускал, если же видел у кого-то в дневнике двойку, говорил обидно: "Тебе голова зачем? Чтобы есть в неё? И так боксёров все недоумками с отбитыми мозгами считают, а ты ещё и подтвердить это хочешь..." Вот так, примерно, говорил, вроде бы шутил, а стыдно было...

Мать теперь работала, и никакие её приятели не заявлялись к ним домой. И Кольке казалось, что, наконец-то, он живёт не хуже других, даже в чём-то лучше – не каждый ведь может похвастать, что занимается боксом...

Отца не хватало, конечно. Мысль о поездке к нему не пропала совсем, но как-то отодвинулась. Иногда от отца приходили письма. Мать читала из них то, что касалось Кольки – мол, учись хорошо, скоро приеду (а "сидеть" ему ещё два года)... "Напиши хоть и ты чего-нибудь

отцу-то", - говорила мать. А Колька, хотя скучал по отцу, писать ленился...

А два дня назад остановил его по дороге из школы домой один из дружков Зубы, сказал:

- Пятница – крайний срок. И проценты набежали. Две штуки с тебя.

Три месяца назад Колька заработал на той злополучной коробке мороженого пятьсот рублей, и деньги эти у него оставались в целости, всё там же у бабушки хранились, да и ещё рублей триста у него было... Но две тысячи! "Надо было сразу тогда отдать..."

А думалось Кольке, что уже забыл про него Зуба. Уже подумывал купить на эти деньги боксёрские перчатки. Пока что, он занимался в стареньких, разбитых и хлябающих на руке, выданных тренером...

Он шёл на тренировку, но радости обычной в душе не было. Сегодня среда. Послезавтра крайний срок.

- Привет! – его догнал Костя, ткнул в плечо. – Молодец, на прошлой тренировке здорово дрался с Поповым. По очкам ты выиграл.

Колька вспомнил тот спарринг...

Вовка Попов – занозистый, ехидный парень. С первой же тренировки он подкалывал Кольку, мол, и бегают он не так, и прыгает, и вообще: "Боксом заниматься, это тебе не мелочь по карманам тырить". Колька делал вид, что не обижается. "На обиженных воду возят", - так отец ему говорил. И Колька не обижался, но ждал случая поквитаться с Поповым. И вот позавчера такой случай представился.

В центре зала стоит ринг. На помосте, с высокими ступеньками, с упругими канатами и мягкими кожаными подушками по углам – настоящий ринг.

Обычно, в конце тренировки Быстров вызывал в ринг одну пару, засекал время, начинался настоящий бой. Уже без поддавок, по правилам соревнований.

На такие бои тренер вызывал лишь самых лучших. Колька и не мечтал в ближайшее время оказаться в ринге и когда услышал: "Попов, Журавлёв – в ринг!", - не поверил, подумал, что ослышался.

- Журавлёв! – ещё раз крикнул Быстров. И добавил тихо, когда Колька проходил мимо него: - Смелее, Коля.

А Попов уже ждал его в своём углу, с кривой улыбочкой на Кольку глядел. Колька подлез под канат, выпрямился, подпрыгнул ощущая упругость настила ринга... Потом он ничего не помнил – "челнок", удары, уклоны, удары, удары... "Стоп! Всё, свободны на сегодня. Молодцы". И больше ничего не сказал Быстров. А Колька так устал, что ещё долго сидел в зале один на гимнастической скамейке, в себя приходил. "А ведь Попов-то уже третий год занимается!.. А я не уступил"...

- Отлично отспарринговал, - повторил Костя. – А ты чего такой хмурый? Двоек, что ли, нахватал? – спросил.

- Нет, - досадливо ответил Колька. – Нет, - повторил.

Костя нравился Кольке – спокойный, рассудительный и, между прочим, уже чемпион города среди юношей. И Колька взял да и рассказал ему про Зубу, про долг.

- Да, влип ты крепко. Ничего, придумаем что-нибудь. Давай-ка прибавим, через двадцать минут тренировка.

И они быстро пошли к спортзалу. И Колька уже привычно здоровался с вахтёром Иваном Сергеевичем и в раздевалке с пацанами. И слушал команды тренера: « Побежали!.. В стойку! Руки на место!.. Резче!..»; и его объяснения: «нога, корпус, рука – как пружина разжимается...»; и просто слова: «Как дела-то?.. А в школе? Чего-то смурной?..»

И вот для каждого у Быстрова слово найдётся. Ничего вроде и особенного – а приятно, что и тебе, лично тебе, одному тебе из всей в двадцать с лишним человек группы, тренер что-то сказал...

Тренировался Колька неистово, словно хотел довести себя до полного изнеможения и таким образом забыть про этот проклятый долг. Но и двигаясь «в челноке», выбрасывая руки в ударе с гантелями и без гантелей, раскручивая скакалку и ритмично прыгая через неё, работая в паре, отрабатывая удары на лёгкой груше и тяжёлом мешке он всё время думал о долге и о Зубе. «Ладно, Костя сказал, что поможет. А как он поможет-то? Драться, что ли нам с Зубой? Так он нас обоих уделает... А, может и мы его... Да у него ж ещё дружки... Нет, ни чем Костя помочь не сможет... А плевать! Подойду и дам Зубе этому в морду и будь, что будет! Вот так, вот так...» И он со всей силы молотил по мешку, вымещая в ударах всю злость и обиду...

- Спокойнее, Коля, спокойнее... Следи за ногами, кулак не доворачиваешь, - Быстров подошёл. – Да ты слышишь меня?! Всё, стоп. Иди-ка, отдохни.

Колька сел на скамейку, тренер, подсел к нему, когда дал задание остальным парням.

- Чего случилось-то у тебя?

- Да так, ничего...

- Ну, смотри. Вообще-то проблемы надо сразу решать, не держать долго в себе.

- Я решу. Сам, - резко ответил Колька.

- Да?.. Хорошо. Вставай-ка со мной... - И Быстров надел на руки лапы. И Колька уклонялся от его тычков и хлопков и сам бил изо всей силы в белые кружки по середине лап. Быстров больше ничего не говорил ему.

После тренировки Костя опять шёл с Колькой.

- Деньги отдать придётся всё равно, иначе не отвяжутся они.

- Да я знаю. – «Ну, вот и Костя на попятную пошёл», - подумалось.

- Только самому этому Зубе, лично. Знаешь, где его найти?

- На вокзале. Но двух тысяч у меня нет.

- Попробуй без процентов договориться... Сколько должен-то?

- Пятьсот.

- Есть пятьсот-то у тебя?

- Есть.

- Ну, вот и отдашь. Завтра сходим.

- И ты со мной пойдёшь? – Колька уже был уверен, что Костя не хочет идти с ним, потому и разговор этот завёл.

- Ну, а как же? – удивился Костя. - Мы теперь одна команда. А надо будет – и остальных парней позовём.

- Спасибо.

- Пожалуйста... Слушай, а давай вместе по утрам бегать. И потренироваться можно в парке. Надо ведь к соревнованиям готовиться.

- Давай.

Сегодня после тренировки Быстров сказал:

"Через месяц – чемпионат города, отбор на область. Все будете выступать, - и, взглянув на Кольку, специально для него сказал: - И ты будешь. Да, да. Пора тебя проверить в серьёзном деле".

И радость, и гордость, и смутный пока ещё страх в душе Кольки. Соревнования!.. А вот бы приехать к отцу и показать ему медаль. Золотую!

Костя жил неподалёку, но учился в другой школе. Утром они встретились, добежали до парка, там размялись, поотрабатывали удары.

- Ну, после школы встречаемся – и на вокзал, - сказал Костя.

- Договорились.

Кольке было страшно идти к Зубе, но раз уж Костя идёт с ним, значит, никаких отговорок – надо идти. И всё же странный парень этот Костя – ну зачем он в это дело лезет? И хороший парень. Таких ещё Колька не встречал.

Деньги, пятьсот рублей, Колька взял из записки ещё вчера. Зашёл к бабушке, будто бы просто в гости, и пока она в кухне готовила для него перекусить, вытащил деньги из чайной коробки, во внутренний карман куртки сунул.

Как и договаривались, встретились с Костей после школы у парка, в котором утром тренировались и пошли к вокзалу. И теперь уже Кольке хотелось одного, чтобы Зуба там был.

И он был там. Один почему-то стоял за столиком вокзальной забегаловки, потягивал пиво из банки, с обычным выражением скуки и презрения на лице.

- О-о, Колян! Никак должок принёс. Долго ты его нёс...

- Да. Вот, - твёрдо сказал Колька и протянул деньги.

Зуба лениво взял их, глянул – сколько. Кивнул, сунул небрежно в карман штанов – что, мол, для него какие-то пятьсот рублей.

- Я слышал, ты теперь боксёр? – Спросил и, не дожидаясь ответа, кивнув на Костю, стоявшего рядом: - Тоже боксёр?

- Тоже, - ответил спокойно Костя.

Зуба скривил губы и на Костю больше не глядел, будто и не было его тут. Кольке сказал:

- Хочешь у меня работать?

- Нет, - сразу и твёрдо ответил Колька.

- Да не с коробками таскаться, посерьезней работёнку дам. При деньгах будешь.

- Нет.

- У тебя, вроде, батя сидит?..

- Не твоё дело, - уже зло Колька сказал.

А Зуба усмехнулся, посмотрел, кажется не лениво-презрительно, а даже заинтересованно на него.

- Скоро дружок твой, Васёк Овсянников выйдет, а у тебя другие друзья появились. Ему, наверное, не понравится...

- Мы сами разберёмся, - оборвал его Колька.

Зуба, отхлебнул пива из банки, глаза его опять стали равнодушно-презрительными.

- Ладно, бывайте, боксёры, - отворачиваясь, процедил он сквозь зубы.

И мальчишки, довольные, вышли на улицу, прошли по перрону и вывернули на привокзальную площадь.

Только тут Колька голос подал:

- И никакие проценты не спросил!

- Да. Повезло. Хорошо, что он один был, а то перед дружками начал бы выделываться, - отозвался Костя. - А ты, молодец. Хорошо говорил с ним. Он ведь боялся тебя.

- Это потому что нас двое...

- Нет. Он тебя боялся, - уверенно сказал Костя.

Потом они шли вместе, даже не думая куда идут, просто – вперёд, возбуждённые и радостные удачным решением проблемы. Болтали, не замечая, что уже почти кричат.

- Ты бокс по телеку смотришь?

- Да. Особенно старые съёмки.

- Я тоже. Тайсон – да! Классно – да?

- Мохаммед Али круче! Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела!

- Ну, ты скажешь...

- А вот если бы они встретились, да!

Но сошлись на том, что лучший боксёр – Константин Цзю.

Костя вдруг, сразу, как это бывало с ним, стал серьёзным и сменил тему:

- Вообще-то, можно было в милицию на них заявить, но эту проблему нужно было решать по их правилам, потому что ты сам эти правила принимал...

- Слушай, Костя, ты такой... Ну, как будто тебе не четырнадцать лет, больше.

- А мне и не четырнадцать. Мне уже пятнадцать. Мама говорит, что я – в отца.

- А кто у тебя отец?

Костя не сразу ответил...

- Милиционер. Майор... Погиб он в прошлом году, в Чечне.

И Колька, стараясь замаять неловкость, сам сказал:

- А мой сидит.

А Костя на это только кивнул, ничего не сказал.

Они шли по улице. Под ногами поскрипывал снежок. Уже темнело. Город светился огнями окон, реклам, люди спешили куда-то. А они шли и молчали. Молчали так – будто знакомы были уже давно-давно... Наконец, Костя сказал:

- Я тоже в милицию пойду. Выучусь в институте, буду офицером...

- Теперь полиция, - поправил его Колька.

- Ну, в полицию, - согласился Костя.

А Колька, неожиданно проговорил мысль, в которой ещё боялся и самому себе-то признаться:

- А я тренером хочу стать. Как Быстров.

- Это серьёзно, - сказал Костя. И добавил: - Ну, давай, - и они крепко, по-мужски, пожали руки и разошлись в стороны своих домов.

Колька невольно сравнивал Костю с Васькой. Да, Васька весёлый, с ним интересно. Он сильный – не такой силой, какой силён Костя, а силой внутренней злости. Да – вот что Колька только сейчас о нём понял – Васька злой. И он всех этой своей злостью подавляет. И ещё – всё время вот этими своими приколами (хулиганством), пытается замарать тех, кто рядом. И его – Кольку. Будто хочет доказать – да, я вот такой, но и ты не лучше... И Зуба такой же... И тот из фильма «про братву» такой же...

А Костя... С ним надёжно... И... (Колька не знал, как объяснить для себя) с ним интересно не так, как с Васькой...

А ведь скоро Васька вернётся. Ну, и пусть. Там посмотрим...

9

Близится Новый год. Он уже завтра. Мать сказала-спросила:

- Я к знакомым пойду встречать. А ты у бабушки будешь?

Колька молча кивнул. Ну что же ему орать было ей, что он хочет встречать Новый год с матерью, с бабушкой. С отцом!..

Он молча кивнул. И пошёл к бабушке. У неё уже стояла старая искусственная ёлка, но пахло и настоящей хвоей – оттаили подобранные на ёлочном базаре и стоявшие теперь в вазе ветви...

Бабушка готовила в кухне. Телевизор что-то бухтел непрерывно и не громко. Колька повесил на ёлку и ветки игрушки – стеклянные шары, шишки...

Ему вспомнился давний Новый год ...

Он учился в первом классе, и были первые в его жизни зимние каникулы. В то утро мать повела его в театр на ёлку, и там было очень весело. Сначала Баба Яга и Леший притворились Снегурочкой и Дедом Морозом, а потом пришли настоящие и прогнали их. Все дети водили

хоровод вокруг ёлки, и Дед Мороз раздавал подарки из своего большого красного мешка.

Кольке очень понравилась Снегурочка – внучка Деда Мороза. Она была очень красивая в белом блестящем платье.

Он читал Деду Морозу стихотворение: "Белая берёза под моим окном..." И представлял ту старую корявую берёзу, что растёт во дворе их дома, в самом углу, за мусорными баками.. Когда снег прикрывает её искалеченные, наверное, при строительстве их дома, полуобломанные ветки и каждая снежинка искрится на солнце – она красива, эта берёза... И Дед Мороз вручил ему за то стихотворение большую шоколадную конфету.

Из театра они с мамой пошли на площадь, где всегда стоит самая большая в городе ёлка, делается ледяная горка и разные смешные фигуры из снега.

Там все смеялись и кричали. Даже взрослые катались с горки и смеялись. И Колька – медвежонок в лохматой шапке и шубейке – катался и смеялся. А потом мама сказала, что пора идти домой, а ему не хотелось. И мама сказала, что если он не будет слушаться, то Дед Мороз не положит подарок под ёлку, которая стоит дома.

И они пошли домой. И Кольке казалось (да он точно знал!), что было вовсе не пора идти домой, просто мама замёрзла. А вот покаталась бы с горки и не замёрзла бы, ведь другие взрослые катались. Если бы с ними был папа, они бы обязательно прокатились. Но папы с ними не было... Да, и тогда тоже не было папы. И как ни было весело в театре на ёлке, на горке – он, семилетний Колька Журавлёв всё время помнил, что папы нет. И не понимал почему его нет... Ведь он всегда был. И как это – Новый год без папы. И он спросил. И мама сказала, что папа уехал...

Но никуда он тогда ещё не уехал, это теперь он уехал... Из кухни просто одуряющее пахло какой-то вкуснятиной бабушкиного приготовления.

Тогда тоже вкусно пахло. Мама готовила. И всё близился и близился волшебный праздник.

Когда наступил вечер и стало темно, мама накрыла стол и зажгла свечи. (Да-да! Было и такое в их жизни - новогодние свечи!)

И в это время кто-то позвонил в дверь. И когда мама открыла – на пороге стоял Дед Мороз. Большой, в длинной красной шубе, в красной шапке, с густой белой бородой. "Здесь живёт мальчик Коля?" – спросил Дед Мороз, а Колька испугался и не мог ответить, и мама сказала: "Здесь". "Получайте подарки!" – и он достал из мешка подарки. В бумажном пакете были конфеты, яблоки и мандарины, а в большой картонной коробке оказалась игрушечная железная дорога! Потом Дед Мороз достал какую-то маленькую коробочку и подал маме, а ещё большую зелёную бутылку, с горлышком завёрнутым в блестящую бумагу (Колька уже знал – это шампанское). "Да не надо мне ничего!" – сказала мама. А Колька закричал: "Мама, это же Дед Мороз, если ты не возьмёшь, он больше никогда-никогда не придёт!" Тогда мама взяла коробочку и бутылку и сказала: "Ну, заходи, Дед Мороз".

И они водили хоровод вокруг ёлки и пели: "В лесу родилась ёлочка...", и пили чай с тортом. (Колька и понимал, что это папа, и одновременно верил, что это Дед Мороз и был самым счастливым человеком на всей земле в тот вечер).

... От воспоминания того счастья у Кольки и сейчас... как-то защекотало на душе, что ли – и радостно, и зареветь хочется...

А потом мама сказала: "Коля, тебе пора спать". И Дед Мороз сказал: "Да, детям пора спать". И он не мог не послушаться, и пошёл в свою комнату, но коробку с железной дорогой взял с собой, положил рядом с кроватью на стул.

«А что если Дед Мороз ещё что-нибудь под ёлку положил? Надо сходить проверить...» – подумал он вдруг, вылез из-под одеяла, тихонько вышел в коридор и увидел на вешалке длинный красный халат, а рядом висела папина шуба из искусственного меха. Коля улыбнулся, зачем-то потрогал шубу и снова ушёл в свою комнату.

... Он и сейчас улыбнулся и пошёл в кухню, помогать бабушке Зине, носить вкуснятину на стол в комнату.

10

Колька шёл домой. Зимние каникулы, тренировки сегодня нет – он никуда не торопится...

В почтовом ящике Колька увидел конверт. Уже знал, что от отца, больше ни от кого к ним и не ходят письма, достал побыстрее. И с удивлением прочёл: "Николаю Журавлёву". Впервые отец написал не матери, ему, Кольке, лично.

Колька всё же сдержался, не распечатал конверт прямо здесь, на лестнице, взбежал до квартиры, открыл замок, включил свет в прихожей, и, затаив дыхание, оторвал тонкую полоску с правой стороны конверта, вытащил сложенный вдвое листок разлинованный в клетку.

"Коля, здравствуй. Ты уже большой, почти взрослый, и я хочу поговорить с тобой, как с большим. Знаю, что ты теперь занимаешься боксом – это хорошо, не бросай. Но подумай – для чего занимаешься. Спорт сделает тебя сильным. Но сильный человек должен быть великодушным, уметь прощать. А побить более слабого – чести не прибавит. Ну, это я так, к слову. Надеюсь, что и учиться в школе ты станешь лучше. Надо, сын, надо учиться, знания получать, чтобы правильно выбрать жизненный путь.

Мне осталось находиться здесь меньше года. Скоро увидимся. На маму не обижайся. Жму твою добрую боксёрскую руку. Папа."

У Кольки перехватило дыхание. Никогда отец с ним не говорил так. Он, Колька, даже и не знал, что его отец может вот так говорить. Он не видел отца почти четыре года, не слышал его голоса. А сейчас, будто бы папа рядом с ним, говорит. Его живой голос рядом.

Он мало помнил отца. Утром тот уходил на работу, вечером приходил с работы. Иногда, преодолевая себя (это чувствовалось), свою усталость или занятость какими-то своими мыслями, о чём-то говорил с Колькой. А один раз взял его на рыбалку. Да. И это самое главное воспоминание о нём, об отце. Он и сегодня помнит то утро в мельчайших деталях. Они вышли из дома рано, розовый полукруг солнца поднимался между домами, заливал всё неверным, розоватым светом. Было очень тихо, и воздух был чистый и холодный. За ближайшими гаражами стали искать червей. Колька держал в руке приготовленную с вечера банку из-под консервов. Отец поднимал старые, полусгнившие доски и Колька едва успевал хватать червяков, быстро уползавших в свои норы. «Держи его, держи, Колька, - приговаривал отец. – Вон – какой жирный. На такого и щуку поймать можно...» Кольке было смешно от этих слов и радостно, оттого, что папа говорил их, что они идут на рыбалку. В непривычно пустом, наверное, самом первом утреннем автобусе доехали до реки, спустились с высокого берега к воде... Папа почти всё время молчал. Но он был рядом, и он хотел быть рядом с Колькой, и он был рад (и это чувствовалось), что сын рядом с ним... Одно удилище у них было. Второе, отец срезал тут же – подходящую ветку от ивового куста. Привязал лески со снастью. Колька сначала не мог насадить червя. Боялся. Отец насадил. «Поплюй, чтоб жирней был», - сказал сыну. И Колька послушно плюнул на червя. А когда отец закинул свой крючок,

не поплевав на наживку, удивился: «Папа, ты что, у тебя же червяк-то не жирный!» «Точно, забыл!», - хлопнул себя по лбу отец. Но тут же – показал пальцем туда, где была закинута Колькина снасть. "Эй, рыбачок, поплавок-то где?" Колька глянул – поплавок не было видно! Схватил удилице и почувствовал, как натянута леска. И потянул, медленно, неумело. Но рыба глубоко заглотила крючок, не сорвалась. И был это маленький ёршик. "Папа, рыба! Папка, я поймал рыбу!.." Второго червя Колька насадил уже сам... Неплохо порыбачили в тот день – с десятков ершей и плотвичек поймали...

Потом вернулись домой. Потом Колька уже не помнил ничего. А потом отец «уехал»...

И сейчас, держа в руках письмо отца, читая его слова, вспоминая тот давний день, Колька понял, что ведь отец тогда прощался с ним на долгие годы, знал уже, что скоро посадят. (Колька и до сих пор не знал, за что сидит отец, но догадывался, что за кражу). И, вот же странное свойство памяти, а может, это и не память, нечто другое, вспомнив ту рыбалку, Колька вспомнил и странного священника-рыболова, и понял, что хотел бы снова увидеть его, и, как-нибудь при случае, зайдёт в ту церковь, интересно ведь, какой он, тот весёлый батюшка, там...

Всё это в единый миг пронеслось в Колькиной голове. И с зажатым в руке письмом он вбежал в свою комнатушку, уткнулся в подушку лицом и лежал так, не двигаясь...

Щёлкнул замок, хлопнула входная дверь. И ещё не видя, Колька понял, что мать пьяна... Вот она, стараясь не шуметь (но слышно, как скользит по обоям стены её ладонь) прошла в другую комнату и затаилась там. И, может, впервые в жизни не обида, а жалость к ней, стыдящейся собственного сына, (и это, что стыдится она, он понял сейчас) захлестнула душу... Он встал, сунул письмо в карман брюк,

взял сумку со спортивной формой, тихо вышел в прихожую, оделся и вышел из квартиры.

У его группы сегодня тренировок нет, они тренируются через день, но он пошёл в спорткомплекс, на тренировку.

Игорь Степанович был в спортзале. Тренировались взрослые. Быстров проводил для них "кубинскую" тренировку на выносливость, стоял с секундомером в руке, и спортсмены по его команде переходили от снаряда к снаряду. Увидел, заглянувшего в зал Кольку:

- Привет. Ты чего?.. Время! Переход!..

- Позаниматься хочу.

- Я освобожусь через пятнадцать минут, поговорим... Работаем! Работаем!..

Когда закончилась тренировка, Колька снова заглянул в зал.

- Ну, чего?

- Можно мне сейчас одному потренироваться?

- Потренироваться? Правильно, к соревнованиям надо серьёзно готовиться. А уроки-то сделал?

- У нас каникулы, - ответил Колька.

- Точно! – Быстров хлопнул себя по лбу. – Ну, давай, переодевайся, жду.

Полтора часа гонял его безжалостно тренер: разминка, работа "на лапах", на лёгкой "груше", на тяжёлом "мешке". Вымотался Колька, как в первый день, давно уж так не уставал, но сейчас ему этого и хотелось.

Сидели потом на скамейке, и Быстров спросил:

- Что у тебя случилось? Расскажи, если не секрет.

И Колька рассказал про отца, достал из кармана сумки письмо, показал:

- Вот, получил сегодня.

Быстров прочёл.

- Правильно отец-то всё говорит... - И вдруг спросил: - Знаешь такого писателя Джека Лондона?

- Слышал.

- Возьми в библиотеке, почитай. У него есть рассказ – "Мексиканец", про боксёра. Тяжелейший бой тот мексиканец выиграл. Потому что у него была цель. Цель, которая выше бокса, выше спорта. Вот если будет такая цель, будешь чемпионом. Правда, тогда для тебя и чемпионство будет не важно. – Он говорил, будто бы уже и не для Кольки, а для себя, проговаривал то, о чём, наверное, серьёзно думал. – Цель должна быть настоящая, высокая. Низкие цели не обладают волшебным свойством будоражить кровь! – Последние слова он произнёс весело и даже рукой взмахнул. – А потом уже буднично добавил: - Всё таки, каждый день тебе пока рано заниматься. И учёбу не забрасывай... Дай-ка ещё конверт...

Колька протянул конверт, и Быстров глянул на адрес.

- У меня один знакомый, кажется, туда ездит... Я уточню... Ладно, давай, счастливо. Беги домой – вон уж темнотища на улице-то.

11

Вот и каникулы кончились...

Утром Колька встретился с Костей. Бежали по снежной дорожке в парк. Снег взвизгивал под подошвами. Воздух холодный, чистый, бодрил, как запах нашатырного спирта... В парке в движении и на месте отрабатывали удары и уклоны, по очереди подтягивались на покосившееся турнике... А потом... Костя вдруг сорвал с головы Кольки вязаную шапку и кинул далеко в сугроб. А Колька, сам не ожидал от себя такого, сорвал его шапку и кинул вверх. И Костина шапка повисла на ветке тополя метрах в трёх над землёй.

Оба молча поглядели друг на друга и... засмеялись...

- А ты это зачем? – спросил Колька, когда уже сходил по пояс утопая в снегу, за шапкой.

Костя пожал плечами:

- Так... реакцию хотел проверить. Проверил, на свою голову. Помогай шапку-то достать, а то – уши замёрзли.

Колька присел под деревом, Костя встал на его плечи. Колька держал его за щиколотки и поднимался, Костя придерживался за ствол. Схватил шапку и спрыгнул в снег.

- Тебе Быстров говорил про рассказ «Мексиканец»? – спросил вдруг Костя.

- Да.

- А-а... Ясно. Мне тоже говорил перед первыми соревнованиями. Но он, вроде, не всем говорит-то...

- А ты читал? – Колька спросил.

- Да.

- Про чего там?

- Сам прочитаешь... Побежали...

Они неспешно бежали по дорожке парка. Ещё круг – и по домам... Уже начали выгул собачники. И далеко не у всех питомцы с намордниками – так, что бегать стало не очень-то приятно...

Этого человека они видели минут пятнадцать назад, когда только прибежали в парк. Тогда он, пошатываясь, явно пьяный, вальнул на заснеженную скамейку. Он и сейчас там лежал... И под скамейкой валялась его меховая шапка... Такса обнюхала шапку, ткнулась носом в свесившуюся руку человека. Хозяин окликнул:

- Фу, нельзя, - отозвал таксу, а на лежавшего человека даже не взглянул.

Колька уже пробежал мимо. Костя окликнул:

- Подожди.

Он остановился у скамейки и стал трясти человека. Тот что-то мыкнул, но не отвечал...

- Ты чего, Костя? Пьяный же... - удивился Колька. А Костя на него удивленно посмотрел:

- Ну, и что? Он же замёрзнет... - И опять стал трясти мужика за плечо... Тот что-то мычал... Костя посадил его. Кольке скомандовал: - Держи, чтоб не падал. - Вытащил из кармана куртки мобильный телефон, набрал какой-то номер, сказал: - Здравствуйте, это Костя, сын капитана Разуваева. Да-да... Здесь человек. Ему плохо, он прямо на снегу лежит. Уже давно. Срочно надо машину. Хорошо, ждём!.. Сейчас приедут, - удовлетворённо сказал Кольке и стал тереть снова мужика (а был это, точно, бомж – бородатый, обросший, в старой драной шубе, несло от него какой-то сивухой), даже по щекам хлестнул, уши тереть начал. И тут мужик вроде очнулся, захлопал глазами, застонал... Кольке было немножко страшно и очень неприятно находиться рядом с этим бомжом. А Косте – аккуратисту и чистюле – будто и ничего, будто он и не чувствует этой вони...

С дороги в парк свернул полицейский уазик, остановился у скамейки. Из машины вышли крепкие ребята полицейские. И один из них, с лычками на погонах, протянул Косте руку:

- Привет, Константин. Чего тут?.. О-о... Да мужика-то спасать надо. Ну, давай, - кивнул своему напарнику, - взяли. Они подхватили мужика под руки и почти волоком (он пытался переставлять ноги) доставили к машине, втокнули внутрь.

- Ну, давайте, боксёры, - полицейские пожали мальчишкам руки. - Жизнь ведь спасли бедолаге, - кивнул на машину полицейский с лычками на погонах.

- У отца служил, - сказал про него Костя, когда машина отъехала. И сам вдруг, без вопросов сказал: - Ведь так с любым может быть, с любым человеком. И не важно – кто он. Нужно помогать, нужно...

Кольке стыдно стало. Он, между прочим, вспомнил и тот случай, когда оставил в подвале обнюхавшихся клеём парней. Утешало только то, что их наверняка нашел тогда тот толстый мужик, от которого Колька убежал. Да и видывал их Колька с тех пор не раз, но каждый раз уклонялся от разговоров с ними...

Они подбежали к перекрёстку, у которого всегда расставались. Пожали руки.

- До встречи на тренировке!

- Пока!

... А в школе Колька сразу пошёл в библиотеку.

Библиотекарь – полная, с очень кудрявой головой женщина, имя которой Колька если и знал то, уже давно забыл, укутанная в цветастую шаль, в строгих очках, явно удивилась, увидев его. Года три точно он здесь не был. Не читал. Не хотелось. И опять вспомнилось, как впервые, в первом классе сюда пришёл, как в сказку – ряды книг, и этот книжный запах. И он долго-долго выбирал свою первую библиотечную книжку. И даже сейчас помнил её – большая, в твёрдой цветной обложке. Сказки Пушкина... А дома было много книжек (и сейчас в шкафу валяются). Отец, наверное, с полочки – приносил целыми пачками маленькие красивые книжки с картинками. Колька раскладывал их на диване. Не торопясь, просматривал каждую. Потом просил почитать маму или отца... Когда же это было-то? Ведь ходил он и в детский сад...

- Мне Джека Лондона надо! – сразу Колька сказал.

- Давай-ка я тебя сначала запишу, - строго ответила библиотекарша. И долго записывала – имя, отчество, класс... Кольке не терпелось книжку получить.

- Вот, теперь говори, что хочешь взять, - заполнив карточку, сказала эта занудная библиотекарша.

- Джека Лондона, - повторил Колька.

- А что Джека Лондона? – опять она спросила.

- Рассказ такой есть – «Мексиканец», - почему-то смутившись, сказал Колька.

- Вот на той полке посмотри, - женщина указала на один из стеллажей.

А и много же написал этот Джек Лондон! Вот – рассказы. Колька открыл оглавление. Ага, есть, «Мексиканец».

- Для уроков-то ничего не хочешь взять? – ещё спросила библиотекаря, вписывая в карточку название книжки.

- Нет!

- Тогда вот здесь распишись. Книжка выдаётся на десять дней...

Колька коряво, торопливо расписался, сунул изрядно затёртую книжку в сумку. Буркнул: «Спасибо» и нечаянно хлопнув дверью, выбежал из библиотеки.

Дома сразу стал читать. Сначала – не очень интересно, про какую-то «хунту», что-то про революцию... А этот Ривера – интересный парень. Где же он деньги-то возьмёт? И когда же про бокс? Ага, вот начинается... И он уже не отрывался, не пропускал ни строчки, ни слова, читал будто в какой-то горячке... «- Я побью Уорда. - Это было все, что он сказал.

- Откуда ты знаешь? Видел ты когда-нибудь, как он дерётся? - Ривера молчал.

- Да он положит тебя одной рукой, с закрытыми глазами!

Ривера пожал плечами.

- Что, у тебя язык присох, что ли? - пробурчал директор конторы.

- Я побью его».

Будто уже сам Колька упорно повторял этим людям – я побью его, я побью его...

«- Победитель получит всё, - угрюмо повторил Ривера».

«Победитель получит всё», - упорно повторял Колька.

И вот – бой! Они все против него, против Риверы. Они все за этого Дэнни... И этот Дэнни действительно прекрасный боксёр. И всё равно я побью его. Я побью его! Потому что победитель получает всё, потому что эти деньги нужны революции... Я не упаду, я выстою... А теперь и ты получи, красавчик Дэнни! Негодяи, они подсуживают. Они дают отдохнуть этому Дэнни... И он опять бьёт и бьёт Риверу. И я – Ривера, я – Колька Журавлёв, ухожу в глухую защиту. Стоять, стоять, не падать. И вот он мой миг! Ты думаешь, что Ривера уже побеждён, что он действительно бессильно опустил руки?..

«Ривера этим маневром усыпил его бдительность и сам нанёс ему сокрушительный удар в челюсть. Дэнни упал. Три раза он пытался подняться, и три раза Ривера повторил этот удар. Никакой судья не посмел бы назвать его неправильным».

Колька был потрясён.

Немного успокоившись, он снова, уже без пропусков, внимательно стал читать рассказ...

Потом он прочитал и все остальные рассказы из сборника. Потом, взял другую книжку Джека Лондона.

Он ходил в школу, тренировался, разговаривал, что-то ещё делал – всё это будто бы от одного рассказа Джека Лондона до другого. Такого ещё не бывало с ним. Разве что, в тот день, когда он впервые сам прочитал книжку...

...А потом настал день соревнований.

Перед соревнованиями было взвешивание. Вес прикинули ещё накануне, после тренировки. Колька оказался в одной весовой категории с Костей и Вовкой Поповым.

- Что ж, надеюсь увидеть двоих из вас в финале. Думаю, кроме вас в категории ещё человека четыре будет из других клубов, - сказал Быстров.

И вот взвешивание в вестибюле спорткомплекса. Толчея – спортсмены, тренеры, судьи. Будущие соперники уже присматриваются друг к другу. В зале бегают с десяток "сгонщиков": натянули на себя всё что можно – спортивные костюмы, уличные куртки, шапки, тёплые носки и даже рукавицы, - потеют, сбрасывают последние лишние граммы.

Круглый, но при этом очень подвижный судья на взвешивании выкрикнул их весовую категорию.

- Ну, пошли, - сказал Костя и первым шагнул к весам, Попов за ним. Колька скинул спортивные штаны и, как и все, в одних трусах подошёл к весам, поёживаясь то ли от холода, то ли от внимательных взглядов незнакомых, из других спортивных клубов, ребят. Он осторожно встал на платформу медицинских весов, ещё выдохнув при этом, как советовали приятели. Вес у него вчера был тютелька в тютельку, и вечером он ничего не ел, но всё равно боялся, что не войдёт в категорию.

Стрелка качнулась вверх и замерла посередине.

- Норма! – громко сказал судья. – Документы.

- Что? – холодея внутренне, спросил Колька.

- Паспорт.

Паспорт Колька получил полгода назад, когда исполнилось ему четырнадцать. Есть у него паспорт. Дома. А ведь тренер предупреждал, что нужно обязательно взять паспорт. И Колька приготовил его с вечера, но почему-то не сунул сразу в карман, а оставил в комнате на столе...

- Я забыл...

Быстров сидел рядом с весами за столом, записывал тех, кто прошёл взвешивание. И Колька обернулся к нему, за помощью, но тренер отвернулся, не глядел на него.

- Твой орёл? – спросил судья у Быстрова.

- Мой, мой...

- Ну, так запиши его, - негромко сказал судья.

- Нет. – Быстров взглянул на часы. – Так, Журавлёв, до окончания взвешивания ровно один час. Бегом за паспортом. Если не успеешь – закончатся для тебя соревнования.

Ошарашенный, обиженный отошёл Колька от весов. Это обращение по фамилии, и, как ему показалось, равнодушный взгляд Быстрова...

- По мобиле-то брякни – пусть принесёт кто-нибудь из дома, - посоветовал Вовка Попов. И Колька вмиг покраснел. Нет у него мобильного телефона. У всех ребят и в секции и в школе есть, а у него нет. Был, да мать, как-то, спьяну, что ли, сунула, не поглядев карманы, его куртку в стиральную машину. Хотел в ремонт сдать – оказалось, что дешевле новый купить. Самый простенький, дешёвый купить (деньги-то есть у него)? Так засмеют, лучше уж никакого... А на приличный телефон – откуда деньги? Нет у них лишних денег. Мать-то опять не работает. Колька и поесть-то ходит к бабушке в последнее время.

- Нет никого дома, - буркнул в ответ Попову и стал торопливо одеваться.

- Да не суетись ты, успеешь, - сказал, успокаивая, Костя.

Колька летел по улице, прокатывался по "ледянкам", расставив руки, не обращая внимания на прохожих, на красный свет перебежал дорогу и минут через пятнадцать был дома. Ворвался в квартиру. Паспорта на столе не было. Мать спала в своей комнате – вернулась откуда-то только под утро. И Колька не хотел будить её, сунулся туда,

где обычно лежали все документы – в ящик комода. Нет паспорта... В отчаянии бросился к матери.

- Мама, мама... - тронул её за плечо. – Мама!

- Чево? – не открывая глаз, проговорила мать.

- Паспорт, паспорт мой где? На столе лежал. Мама!

- В серванте. Я убрала...

Схватив паспорт, Колька бросился из квартиры. Взглянул на часы в кухне – почти сорок минут в его распоряжении. И он немного успокоился, уже не бежал – шёл торопливо.

- О! Колян! – от коммерческого киоска двигался к нему расхлябанной походочкой тот парень, дружок Зубы, что приходил ещё к школе. А у киоска и сам Зуба стоял, с интересом глядел – что будет? И ещё двое с ним.

- Колян, должок-то остался за тобой.

- Я всё отдал, - Колька взглянул на Зубу, но тот как раз отвернулся в этот момент.

- Не всё. А проценты? – Он подходил всё ближе – года на три старше Кольки, высокий, плечистый, самоуверенный, в кожаной куртке с меховым воротником, но без шапки. – Ты оборзел, Колян...

И когда он приблизился на метр, Колька не стал ждать, шагнул к нему, и пружиной вылетела правая рука в подбородок парня. И он рухнул плашмя. Колька обернулся к Зубе и тем, что были с ним, готовый к драке, готовый сейчас биться до конца... Зуба усмехнулся, кивнул, махнул рукой – иди, мол.

И Колька пошёл. И хотя сейчас уже надо было бежать, чтобы не опоздать на взвешивание, он не бежал, шёл, пока не свернул за угол, а потом уж рванул...

- Пулей записываться! – прикрикнул судья, увидев Кольку.

Колька подал паспорт Быстрову, тот развернул его, внимательно, будто и не знал раньше, прочитал имя, фамилию, год рождения,

записал в протокол. Кольке вдруг даже смешно стало – тренер своими неторопливыми движениями напомнил ему кудрявую школьную библиотекаршу.

- Переодевайся и беги разминаться, - спокойно сказал Быстров и вернул паспорт.

И опять в Кольке обида на тренера вспыхнула – мало того, что гонял его попусту за паспортом, так и сейчас говорит равнодушно, будто не со своим учеником, будто не бежал Колька сломя голову домой. (А если бы он ещё про драку знал! Хотя, какая драка, не было же никакой драки!)

А Быстров, видно почувствовав его обиду, сказал мягче:

- Давай, Коля, готовься... Урок тебе сегодня – дисциплина есть дисциплина.

- Колька, здорово!

Он обернулся и увидел Олега Окунева. Вот уж не ожидал. Да и ещё трое парней из его класса. И, что уж самое неожиданное, и от чего Кольку сразу в жар бросило, и лицо его (он знал это) залило краской – Светка Полякова с ними.

- Вот, пришли поболеть за тебя.

- Ну, и болейте, - почему-то разозлившись, бросил им Колька и пошёл в зал.

"Ну чего вот припёрлись? И так тут... И как узнали?.. Да афиши же висят по всему городу... А Светка-то чего?.."

- Мандраж? – ткнул его локтем Костя. – Это у всех. Просто, опытные умеют не показывать его. Нас Быстров в разные подгруппы раскинул, а с Поповым ты в одной... Ну, пошли разминаться...

Костя и секундировал ему в первом бою. Быстров сбоку наблюдал.

- Он тоже новичок, не переживай... - шепнул Костя.

- Боксёр готов? – строгий голос рефери.

- Готов... Всё, давай, пошёл! – Костя хлопнул Кольку по плечу, придавил рукой канат, и вышагнул из ринга.

В этот момент Колька почти не понимал, что происходит – всё, как в тумане, все звуки, как сквозь вату.

- Бокс!

И Колька сразу пропустил два удара в голову – справа и слева. А пока поправлял съехавший на глаза великоватый шлем (своего не было, выбирал вчера из тех, что принёс из тренерской Быстров), нахватал ещё оплеух.

- Руки на место! – услышал. И эта, ставшая привычной за десятки тренировок, команда Быстрова привела его в чувство.

Прикрыл голову, начал двигаться "в челноке", пропустил мимо себя пару ударов противника, ставшего уже чересчур самонадеянным, и, наконец-то, ударил сам, и достал.

Тут и раунд закончился.

Костя подставил табуретку, обмахивал полотенцем и говорил:

- Всё хорошо. Выстоял. Почувствовал его. Теперь он твой. Сразу начинай работать так, как в конце раунда делал. – Костя подтянул ремешки на его шлеме и толкнул в спину. - Давай!

И Колька дал, без раскачки сам, первым начал работать и несколько раз неплохо попал, хотя и сам словил пару несильных, но точных ударов в шлем. И всё равно, он и сам, чувствовал, сейчас он был явно сильнее.

- Колян, давай! – услышал крик с балкона. Болельщики проснулись. А когда проигрывал – молчали.

- Жми, Колька!

Второй раунд, кажется, по очкам остался за Колькой.

- Молодец, твой раунд. В третьем также отработай – и всё... - Говорил Костя, обмахивая его полотенцем и обтирая с лица пот, заливавший глаза.

- Третий раунд!

- Журавлёв, давай! – крик с балкона.

Колька махнул рукой одноклассникам и шагнул на противника.

И вот сейчас, в третьем раунде, он уже был совершенно спокоен. Предвидел все шаги соперника, знал, что тот будет делать в следующее мгновение. И это было очень странное ощущение, и радостное, и Колька готов был закончить этот бой – вызвать противника на атаку, перехватить её, загнать соперника в угол...

А с балкона кричат:

- Ко-ля! Ко-ля!.. – Светка Полякова больше всех старается.

- Спокойно, Коля, не увлекайся, - отрезвил его голос Быстрова.

Рефери готов был остановить бой "в виду явного преимущества", но прозвучал гонг.

- Молоток! Отдыхай, - сказал Костя.

Слегка ошалевший от того, что его – его! – руку только что поднял рефери, Колька, пошатываясь, спустился с помоста ринга.

Быстров заглянул в раздевалку, сказал Косте:

- Давай, давай, готовься. Следующий бой твой. – А потом уж Кольке: - Хорошо. "Мексиканца" читал?

Колька не ожидал этого вопроса. Он сначала и не понял, о чём спрашивает тренер.

- Читал, ответил, наконец. – Он только сейчас понял, что совсем не вспоминал о мексиканце перед боем и во время боя. Всё забыл. Ничем не помог ему Ривера... Странно...

Быстров усмехнулся:

- Молодец. Попей чаю горячего. Попов Володька тоже выиграл – так что в следующем бою встретитесь... Пошли, Костя.

Колька, обжигаясь, хлебнул чаю из термоса и побежал смотреть, как боксирует Костя.

Свой бой Костя провёл блестяще. С первой секунды и ни на мгновение у противника не было никаких шансов.

И вот снова вызывают Кольку. В противоположном углу ринга Володька Попов, внешне – сосредоточен и спокоен. Ему тоже парнишка из их группы секундирует. Кольке опять Костя помогает. Быстрова не видно и не слышно.

- В глаза ему посмотри, - говорит Костя, напутствуя перед первым раундом.

И когда сошлись в центре ринга, Колька заглянул в глаза Попова и успел, до того как тот отвёл взгляд увидеть... страх... И Колька спокойно, как на тренировке, «отработал» первый раунд. Вовка даже не попытался хотя бы раз атаковать. На второй раунд Попов просто не вышел, замотал головой в своём углу, и его секундант махнул в сторону рефери полотенцем. И снова его, Кольки Журавлёва, руку подняли. И снова кричали и хлопали на балконе его одноклассники (и Светка громче всех). И снова не вспоминал он про мексиканца Риверу...

А Косте во втором бою досталось. По очкам он выиграл, но оплеух тоже нахватал. И как не прикладывал смоченное холодной водой полотенце, под правым глазом всё больше набухал синяк.

- Ну, вот вы и в финале, - спокойно сказал Игорь Степанович. – Отдыхайте до завтра... Молодец, Коля... Покажи-ка, глаз-то, - Косте сказал, посмотрел, - Покажись врачу обязательно...

Костя как-то быстро собрался, ушёл.

А Кольку на улице одноклассники ждали, обступили сразу.

- Ну, Колян, ты крутой!.. – восторженно говорил Олег Окунев.

А Светка, неестественно улыбаясь, сказала:

- Коля, какой ты сильный, - и пальчиком коснулась его плеча, будто хотела прикоснуться к его "силе". И ещё добавила: - Вот с тобой гулять было бы не страшно.

Кольку в жар бросило. Ответил грубо:

- Отстаньте! Я тороплюсь!

... Светку этим летом встретил на улице – хотел уж окликнуть, но увидел, что она с незнакомым высоким парнем. Да ему бы и наплевать на парня, но Светка – такая вся была необычная. Совсем взрослая. И на него, Кольку, не взглянула даже. Но видела, точно, и специально сразу взяла парня под руку. А тот руку отнял, но сразу и обнял её за талию. А была Светка в голубых джинсах, в белой лёгкой совсем маечке. И волосы её длинные по плечам и спине были рассыпаны и каблочки тоненькие и высокие стучали об асфальт... И Колька не окликнул её. И в школе, почему-то старался не смотреть в её сторону...

- Мы завтра придём! – крикнул вдогонку ему Окунев.

И не домой пошёл Колька, к бабушке...

Он долго не мог уснуть. Ему казалось, что он и вовсе не спал – то прокручивал в голове проведённые сегодня бои, то представлял различные варианты завтрашнего боя с Костей, и всё это в конце-концов сливалось в единый бред-забытьё... И вдруг увидел улыбающегося священника с золотистой бородой, и он сказал: "Ну, чего не заходишь-то?"; потом Быстров что-то говорил, заглядывая в глаза; а отец потрепал его волосы: «Ничего, Колька, ничего...» А Света, Светка – молча улыбнулась ему...

- Да ты же горишь весь, на-ка градусник... - засуетилась бабушка.

- Сколько времени?

- Восемь часов.

Колька аж подпрыгнул с дивана.

- В девять начало, а ещё размяться надо!

- Куда? Какой тебе бокс сегодня, что ты!.. – запричитала бабушка Зина.

- Всё-всё, бабушка...

Колька лихорадочно-быстро оделся.

- Поешь хоть! – всё ещё пыталась остановить его бабушка.

- Нельзя! Взвешивание! – уже закрывая дверь, ответил Колька.

... Опять на весы.

- Горишь, брат. На килограмм меньше, чем вчера, - сказал Быстров. -
Давай, разминайся, - добавил.

Странно – Кости нигде не было видно.

В общем-то, Колька уже смирился со вторым местом. Хорошо хоть одноклассники не пришли сегодня. Обиделись, наверное, за вчерашнее. Ну и ладно!

"Хоть бы выстоять, не упасть... А где Костя-то?.."

И где-то в глубине мысль, подогреваемая вчерашними победами, что – всё может быть, может и он, Колька, "подарок преподнести", даже и Косте.

Но, старался не думать об этом. Вообще ни о чём не думать – просто бежать, разминать пальцы, кисти, плечи...

Уже и финальные бои начались, скоро их вес, а Кости не видать. И Быстрова не видать...

Вдруг увидел Светку. Стоит на балконе одна. Отвернулся, сделал вид, что не заметил.

"На ринг приглашаются: Николай Журавлёв, Константин Разуваев..."

- Выходи, выходи, - говорит, ничего не объясняя Быстров, появившийся вдруг рядом.

"Ввиду снятия боксёра Разуваева врачом, победа присуждается Журавлёву, и он становится победителем в весовой категории..." Рефери подзывает Кольку и вскидывает его руку. Колька всё ещё не понимает, что произошло. Спускается с ринга.

- Поздравляю, - Быстров хлопнул его по плечу.

Ребята из группы подошли, тоже поздравляют. И Володька Попов поздравляет.

- Что с Костей-то? – спрашивает, наконец, Колька.

В этот момент подошёл и Костя:

- Поздравляю, Колян! - Глаз его запыл полностью, но Костя улыбается: - Вот так. Такова спортивная жизнь. Теперь ты чемпион города. Готовься к первенству области...

12

Костя ушёл из спорткомплекса ещё до награждения, он не показывал вида, но, конечно, был расстроен.

Колька увидел на улице у входа в спорткомплекс Светку и стоял в вестибюле у окна, ждал пока она уйдёт. А она не уходила. Он вышел.

- Привет, поздравляю!

- Привет...

- Ты домой?.. А давай погуляем!.. А можно медаль посмотреть?..

Она, правда, золотая?.. – Светка тараторила, не давая ему слово вставить. И они уже шли рядом. Они уже гуляли...

Колька достал жёлтую, конечно же не из золота, медаль на полосатой (в цвета российского флага) ленте.

- Всё равно красивая, – сказала Светка, возвращая ему медаль. – Тебя в субботу утром не было в школе...

- Я отпрашивался, у нас взвешивание было, - будто бы уже оправдывался Колька.

- Вот, а я пару получила, по русскому...

- Ты, пару!? Это как так?

- А вот так – в пятницу не сделала уроки. Не хотелось...

- Ну, ты даёшь... А как вы узнали про соревнования?

- Окунев афишу видел. Позвал. А мне интересно посмотреть было. Знаешь, я сначала думала тебя набьют, а ты молодец...

- Слушай, ты же вроде с Окуневым гуляешь теперь? - преодолев стеснение, спросил Колька.

А Светка, что на неё уж совсем непохоже, покраснела (а чего бы ей краснеть, она и с Окуневым гуляла, и ещё с несколькими – все это знали).

- Ни с кем я и не гуляла! Нужен мне этот Окунев! Дурак самовлюблённый!

И вдруг она подпрыгнула и дёрнула нависшую над тротуаром ветку. И снег, сухой, холодный и искристый осыпал обоих.

Какая же она красивая – Светка, в белой пушистой шапочке, каждая ворсинка которой сейчас сверкает, и ресницы сверкают, и глаза, и ворсинки мехового воротника искрятся снежинками...

- Ой. Тушь потечёт! – Она отвернулась и стала доставать из сумки платок, торопливо вытирать глаза... - Не смотри!

Потом повернулась.

- Вот тут чёрное осталось, сказал Колька и коснулся ладонью щеки. И отдёрнул её. Как обжётся...

- Побежали? – задорно вдруг спросила она и первая побежала, и Колька за ней, и вместе, запыхавшись, на берег ледяной речки...

Дети и взрослые – все кричали, смеялись, катились с берега на фанерках и надувных «ватрушках».

Светка схватила его за руку и упала, покатила вниз, и он за ней, и в обнимку, и всё летит перед глазами – небо, снег, её глаза... Влетели в сугроб, устроив снеговой взрыв...

И смеясь, держась за руки, снова наверх побежали. Его спортивная сумка и её маленькая сумочка на длинном ремешке – ненужно болтались, мешали им... И ничто не могло им помешать...

Но пора было уже и идти. Они, не сговариваясь, пошли вдоль берега. Молчали. И её холодная ладошка грелась в кармане его куртки, а он ещё своей большой, сильной ладонью держал её бережно, как птенца.

Вон и та церковь. Вокруг церкви сетчатый забор, калитка, а у калитки – Игорь Степанович Быстров и священник, тот самый батюшка.

- О! Чемпион! – увидел его Быстров. – Ты чего тут?

- Так... - смутившись, ответил Колька. Ладошка-птичка выпорхнула из его кармана, Света отступила на шаг.

- А, гуляете, - улыбнулся Быстров и кивнул Свете.

И священник узнал его:

- А! Рыбачок, привет!.. Так это твой боец? – у Быстрова спросил.

- Мой, отец Илья, мой... Слушай-ка, Николай, вот батюшка завтра едет туда, ну, где отец-то твой...

- А как фамилия? – живо заинтересовался священник.

- Журавлёв.

- Знаю! Мой прихожанин. Да, завтра туда поеду, отвезу посылки, службу отслужу.

- Возьмите меня, - сказал неожиданно Колька.

Быстров вопросительно взглянул на священника.

- Можно, - задумавшись на мгновение, ответил отец Илья. – Там я договорюсь. Но рано утром выезжаю. Ты где живёшь-то?

Колька сказал.

- Я подъеду. Выходи на улицу... Да, а мать-то отпустит?

- Отпустит.

- А я в школу твою позвоню, договорюсь, - сказал Быстров. И добавил с улыбкой: - Вот, отец Илья тоже боксёром был. Мы вместе занимались.

- Был, был, - с усмешкой подтвердил священник. Солнечные искорки поблескивали в его рыжеватой бороде...

Колька проводил Свету до подъезда её дома.

- Зайди, погрейся...

Они вошли в подъезд, встали в этом темноватом закутке, у стены с почтовыми ящиками. И Колька не знал, что сказать, что сделать.

- Ты завтра туда, к отцу поедешь? – спросила тихо она.

- Да.

- Счастливого пути. - Прижалась к нему и коснулась губами щеки.

... Колька ещё зашёл к бабушке. Похвастал медалью и изрядно помятой грамотой. Сказал, что к отцу едет.

Бабушка заохала, а когда узнала, что едет со священником, быстро успокоилась. Но потом опять заплакала.

- Я-то уж не поеду... Нет... Ты уж скажи ему там... Сын ведь он мой...

- Всё скажу, бабушка. И, преодолев стеснение, Колька обнял её и погладил по седой голове. И была бабушка Зина – маленькая, сухая, ниже его ростом...

Как бабушка ни уговаривала его остаться – Колька пошёл домой.

Совсем уже поздно пришёл. А мать ждала, волновалась... Он и ей медаль показал, а про поездку ничего не сказал.

Долго пытался уснуть. Читал. Подумал, между прочим, что у него-то вот пока нет такой высокой цели, как у того мексиканца... А потом представил, как покажет медаль отцу... Подумал о Светке. О Свете. Которую знал же с первого класса. А узнал только сегодня. И что-то, как-то будет завтра. Но верилось, что всё хорошо будет.

Вышел утром из дома будто бы в школу. Грамоту прихватил, медаль. Подъехала машина – белая "Нива".

- Залезай, Николай. Садись, садись, брат ты мой...

Колька сел рядом со священником. Заднее сиденье машины было заставлено какими-то картонными коробками...

- Ну, с Богом...

Машина тронулась. А вскоре они уже ехали за городом. Однообразно и в тоже время маняще мелькали по сторонам дороги белые поля, чёрно-белые ели, прозрачные, в снеговой оторочке березняки, дома деревень в снеговых нахлобучках, и снова поля...

- Часа три ещё ехать, можешь подремать, - сказал отец Илья, цепко держа глазами дорогу и спокойно-уверенно держа руль.

Колька не ответил ему. Он только крепко сжал зубы и перестал смотреть по сторонам. Смотрел вперёд.

- Сколько тебе лет?

- Четырнадцать.

Помолчав, священник сказал: "Быстро вы нынче взрослеете".